

DOI: 10.15393/j9.art.2012.341

Софья Викторовна Мельникова

*кандидат филологических наук, доцент,
ученый секретарь Иркутской областной государственной
универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова–Сибирского
(Иркутск, Российская Федерация)*
memuaristika@yandex.ru

МЕМУАРЫ СИБИРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА XIX ВЕКА И ОБЛАСТНАЯ СИБИРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аннотация: Исходный тезис статьи — единство церковной и светской литературы, не утраченное в русской культуре и в исторических условиях Нового времени. Взаимосвязь церковной и светской традиций показана на примере сибирского областного литературного процесса XIX века. Материал исследования составили мемуары православного духовенства: воспоминания, автобиографии, путевые заметки. Мемуары — новое явление в церковной литературе конца XVIII—XIX веков. Особое значение эти сочинения имели для литературы Сибири: половина всех мемуаров сибиряков того времени была создана именно священниками и миссионерами.

В статье доказывается, что мемуары духовенства могут рассматриваться не только как источники по истории Русской церкви, но и как тексты культуры и литературные памятники. Для них характерны все основные особенности сибирской областной литературы XIX века: внимание к образу самой Сибири, соединение научного и художественного начал, преобладание жанра путевых заметок и т.п. В области жанровой системы и языка мемуары духовенства также были ориентированы на светскую литературу, что делало их неотъемлемой частью областного историко-литературного процесса. В то же время сочинения духовенства отражали специфику религиозного сознания и сохраняли тесную связь с традиционной церковной литературой, прежде всего агиографией и паломнической литературой. Это доказывает, например, характерная для них сакрализация сибирского пространства и активная разработка мотива апостольского служения.

Ключевые слова: православное духовенство, мемуары, областная сибирская литература

Церковная литература, безусловно, развивается по иным законам, нежели светская, и требует иных подходов к своему изучению. Однако, как писал в «Обзоре русской духовной литературы» арх. Филарет (Гумилевский), после реформ Петра, в XVIII—XIX вв. «область духовной литературы расширилась, вошла в соприкосновение с предметами образования светского, но не против значения христианства...» [5, 1]. Это расширение было связано не только с необходимостью для священнослужителей понимать «дух современной философии», чтобы воздействовать на общество, как отмечает автор «Обзора», но и в предпочтении современного литературного языка старославянскому, а также в изменениях на уровне жанрово-стилистической системы. В это время церковная литература как совокупность текстов, созданных духовенством, выходит за рамки традиционных для нее жанров: появляются мемуары, эссе, сочинения научного и философского характера, написанные духовными лицами, активно развивается церковная публицистика.

Эти процессы, очевидно, были обусловлены изменением облика самого духовенства — расширением круга его интересов, сближением духовного образования со светским, обращением к философии и науке.

Особенно ярким примером синергии двух культурных традиций могут служить мемуары духовенства, которые, как и аналогичные сочинения светских авторов, стали появляться с конца XVIII в. Будучи источниками личного происхождения, раскрывающими частную жизнь их создателей, мемуары не являются «авторитетными» текстами, жестко регламентированными христианской догматикой, а потому весьма свободны по своей форме и языку и открыты литературному влиянию.

Местное духовенство, в отсутствие дворянства, играло первостепенную роль в культурном развитии края и формировало не только религиозные взгляды сибиряков, но и их историческое самосознание и даже литературные вкусы.

С момента своего возникновения в XVII в. сибирская литература имела преимущественно церковно-исторический характер и оставалась таковой вплоть до XIX столетия. Так, когда в центральной России уже заканчивалась эпоха классицизма, в Сибири самыми популярными жанрами все еще были жития, сказания о чудотворных иконах и летописи. Но и впоследствии, уже в середине XIX в., церковная литература продолжала занимать заметное место в круге чтения сибиряков. Немало тому способствовало появление региональной церковной периодики: «Епархиальные ведомости» (которые в Сибири стали выходить с 1863 г., раньше, чем в Москве и Санкт Петербурге), на фоне слабого развития местной журналистики, являлись весьма авторитетным изданием, имевшим не только конфессиональное, но и общекультурное значение. Большую роль в распространении сочинений духовенства играли и духовные миссии — их просветительская, научная и издательская деятельность.

Однако если в период освоения и христианизации Сибири церковная литература обладала фактически культурной монополией, то в XIX столетии она уже была вынуждена сосуществовать и активно взаимодействовать с нарождающейся светской областной литературой, независимой от церкви.

Областная сибирская литература имела ряд особенностей. По определению А. С. Янушкевича, она всегда была «хронотопична» [6, 227]: главной ее темой являлась сама Сибирь — как особое географическое, природно-климатическое, культурное, ментальное и духовное пространство. Особенно остро эта хронотопичность ощущалась в XVIII—XIX столетиях, когда Сибирь являлась еще своего рода *terra incognita* для жителей европейской России и отчасти для самих сибиряков. Именно Сибирью, что отчетливо понимали местные авторы, они могли заинтересовать читающую публику.

И потому типичным для сибирской литературы стало соединение художественного и научно-просветительского начал. В 30—40-е гг. местная оригинальная литература развивалась преимущественно как краевед-

ческая. Примером тому могут служить «Письма из Сибири» П. А. Словоцова, «Поездка в Якутск» Н. С. Шукина, «Поездка к Ледовитому морю» Фр. Белявского, «Записки об Енисейской губернии» И. Пестова, «Енисейская губерния» А. П. Степанова. И даже первые сибирские романы И. Т. Калашникова имели историко-краеведческий характер.

При этом «доминантой в жанровом спектре ассоциирующихся с Сибирью текстов закономерно становились структурные вариации литературного путешествия, поскольку само освоение Сибири, превращение ее в объект научного и художественного описания могло осуществиться только в результате беспрестанных перемещений по ее территории разнообразных наблюдателей — от служилых казаков и первых землепроходцев XVII века до академиков XVIII и администраторов XIX столетий» [1, 24].

Одной из основ регионального сибирского самосознания было чувство обособленности, отъединенности от России, иногда противопоставленности ей. Сибирь — особое пространство, имеющее свою границу — «Камень», Уральские горы. При этом хронотоп Сибири в сознании как европейцев, так и местных жителей приобретал двойственное значение.

Оригинальная сибирская литература на этапе своего становления формировалась преимущественно как документальная и мемуарная. Дневники, путевые заметки, воспоминания превосходили романы и повести не только количественно, но и качественно. Если последние носили в основном подражательный характер, то документалистика предлагала самобытные сибирские темы и сюжеты.

Все эти характеристики, предопределенные, главным образом, менталитетом сибиряка и образом жизни, были актуальны для сочинений не только светских авторов, но и сибирского духовенства. Священнослужители также были вынуждены постоянно перемещаться по обширному краю, и потому ведущими мемуарными жанрами и в среде духовенства становились путевые дневники, заметки и журналы. Наибольшее количество подобных сочинений было связано с миссионерской деятельностью местного духовенства — основной формой духовного служения на окраинах империи.

Составление путевых журналов и дневников, которые включали описание маршрутов и краткое изложение произнесенных для инородцев проповедей, а также разнообразные церковно-статистические данные, входило в служебные обязанности миссионеров. Однако очень часто данные сочинения, будучи текстами, основанными на личных воспоминаниях авторов, написанными хорошим литературным языком и не лишенными образности, выходили за рамки служебных отчетов и приближались к художественным сочинениям, отражающим личностные, духовные и творческие потребности их создателей. В качестве примера можно привести записки сотрудников Алтайской духовной миссии, считавшейся лучшей в регионе, — священника С. Ивановского, прот. С. Ландышева, наконец, самого основателя миссии архим. Макария (Глухарева).

Помимо церковно-религиозного и художественного, эти сочинения имели и научное значение. Представители сибирского духовенства ощущали себя первопроходцами и исследователями края не в меньшей степени, чем светские авторы, научно-просветительский пафос был свойствен и их сочинениям, которые содержали географические, этнографические, исторические и другие научные сведения. Не случайно многие местные священники были действительными членами и корреспондентами СО РГО. Например, миссионер свящ. Андрей Аргентов или известный историк сибирской церкви, первый редактор «Иркутских епархиальных ведомостей» прот. Прокопий Громов. Сочинения духовенства были, таким образом, не менее «хронотопичны», чем сочинения представителей других сословий. И одной из важнейших из тем стала сама Сибирь.

Сибирь заселялась извне, полностью пришлым на момент ее начального освоения и христианизации было и духовенство, в том числе все первые сибирские владыки. И многие из них ощущали Сибирь как пространство иное и даже чуждое. Так, еще в 1644 г. Тобольский архиепископ Герасим писал в своей челобитной к царю Михаилу Федоровичу:

Земля, Государь, далняя, а люди, Государь, своеобразные, тяжкосердии все, ссылние¹.

Двадцать пятое зачинаю жити в Сибири лето и не нажилем себе доброго ничего ни в душевном, ни в телесном... Пожалуй, пощади и помилуй, даждь душе скорбящей утешение, прикажи выехать из Сибири к Москве и явиться лицу вашему. Что во мне, уже старцу, и на Сибири?² —

столетием позже напишет другой тобольский митрополит, украинец по происхождению, Филофей Лещинский, исполненный подвижнического духа и много сделавший для христианского просвещения далекого края, но тем не менее под конец своей жизни очевидно уставший и отчасти разочаровавшийся в нем.

Для священников, как и для всего российского общества, была актуальна мифологема Сибири как пространства тюрьмы и ссылки. Подтверждением тому может служить письмо Иркутского владыки Вениамина к графу Победоносцеву:

...доселе в Сибирь назначались на архиерейские кафедры и на семинарскую службу люди, или менее способные, или чем-нибудь заслужившие неблаговоление начальства. Так, мой предместник преосв. Парфений, когда ехал в Сибирь... всем открыто говорил, что предпочел бы быть в Казани викарием, чем в Сибири епархиальным архиереем. Его предместник преосв. Евсевий плакал, оставляя Самару для Иркутска. И я сам с великой скорбью принял назначение из ординарных профессоров Академии в ректора Томской семинарии... Мне самому приходилось слышать в Петербурге: «лучшие люди нужны во внутренней России, особенно в западном крае, а в Сибири могут служить какие-нибудь...»³.

Будущих архиереев, выходцев из европейской России, Сибирь зачастую не удовлетворяла и с собственно эстетической точки зрения, тяготя своей

удаленностью от центра, поражая скудностью пейзажей и убожеством городов, грубостью и малообразованностью населения, что отражалось в их мемуарах. Весьма не лестную характеристику сибирским городам, встречавшимся на его пути, дает в своих записках молодой Нил (Исакович), следующий в Иркутск в 1838 г. для занятия там епископской кафедры. Приведем характеристику Тобольска, старейшего из сибирских городов:

О Тобольском обществе не знаю, что сказать... Но, кажется, что оно не славно ни по количеству, ни по качеству своему. Сословие, нарицаемое дворянским, тут не зародилось; купечество убито неблагоприятными обстоятельствами... класс чиновничий, как и везде, горемыкается; прочие же сословия думают лишь о насущном. Такова-то старая столица Сибири!⁴

Однако в восприятии Сибири людьми духовного сословия было и нечто особенное:

...Сия страна Сибирская великая и пространная, но гладная; но не глад хлеба и воды, ибо этим преизобильно, но глад неслышания Божия, ибо во всей Сибири нет ни одного общежительного монастыря, куда мог бы прибегать гладный народ и насытиться словом Божиим и Благодестием; а церкви здесь очень редки, на 100 верст одна, а то еще и того нет; а служба в церквях бывает только в самые великие праздники, но и то не всегда; приходы очень обширные, а священников мало [4, 152].

Именно этот «глад духовный» становится основой сибирского хронотопа и его дихотомии в сознании сибирского духовенства. Его аналогии в светском сознании — недостаточное культурное, экономическое, политическое развитие края.

С одной стороны, этот «глад неслышания Божия» заставлял отказывать Сибири в сакральности, с другой — настоятельно требовал ее сакрализации. Несмотря на все неудобства и лишения сибирской жизни, именно он привлекал сюда священников и миссионеров, главной целью которых было духовное просвещение и воскрешение далекого края. В XIX в. Сибирь, как никакая другая область России, открывала пространство для духовного подвига. Не случайно и архиеп. Нил, и архиеп. Вениамин, несмотря на свое недовольство Сибирью, именно в ней видели свое будущее духовное поприще. «Божий промысел, призвавший меня на чреду служения указал мне поприще деятельности в дальних окраинах обширного отечества нашего», — пишет Нил⁵. «Я всегда благодарил и благодарю Бога, что хотя против воли попал на службу в Сибирь, и дай Бог, чтобы до гроба не изменилась моя привязанность к ней...»⁶ — такие слова рядом с определением сибирской службы как ссылки мы находим в письме Вениамина к Победоносцеву.

Можно сказать, что именно этот пафос миссионерской сакрализации сурового и дикого края становится ведущим в самоопределении местных миссионеров и священников и формирует собственно сибирский сюжет в церковной мемуаристике. Подобный сюжет был и в светских мемуарах, однако строился он там на несколько иных основаниях.

Так, в проникнутых сибирским патриотизмом сочинениях областников Ядринцева, Потанина и др. биографический сюжет, по мнению К. В. Анисимова, складывался на противопоставлении двух мотивов — бегства из Сибири, являющегося поведенческим стереотипом, и возвращения назад, воспринимаемого почти как подвиг [1, 172—198]. Сходная сюжетообразующая идея в духовной литературе — идея служения и духовного преобразования сибирского пространства.

В свете этой идеи особую окраску приобретают такие «светские» жанры, как путевые заметки и автобиографии: под пером священнослужителей они часто стремятся стать религиозными паломничествами и житиями. Примеры тому многочисленны, но остановимся на двух. Так, семинарист Георгий Добросердов, будущий свят. Герасим, собираясь в 1831 г. в целом рядовую миссионерскую поездку по Иркутской епархии, придает ей исключительное значение. В его путевом дневнике читаем:

...при чтении Евангелия, разогнутого самим святителем над главами нашими, унылый и нерешительный доселе отдаться подлежащему мне делу всецело, вдруг я почувствовал, что в меня как бы бодрость вселилась и сила к предстоящим подвигам... Я, как орел в обновленной юности, укрепился при этом и был на самые раны готов (Пс. 37,18) [2, 58].

Отправляясь в путь, Добросердов дает обет («отдаться подлежащему делу всецело»), он готовится к испытаниям, а все дорожные встречи и впечатления наполняются для него особым духовным смыслом. Сакральный характер приобретает прежде всего сама сибирская природа — суровая и прекрасная: созерцание ее открывает путешественнику Божественное величие и заставляет задуматься о бренности земного существования:

Помолившись Господу, мы отправились в село Тайгурку и дивились на пути, при виде дивной панорамы, чудному персту Всевышнего, который, поставив горы в мерилех и холмы в весе (Ис. 40:12), все привел в безмерное устройство [2, 60].

Можно сказать, что переживания юного проповедника в его первой миссионерской поездке сближаются с ощущениями, которые испытывает паломник, переходя из профанного пространства в сакральное и приобщаясь к новому, духовному миру и мировосприятию. Но при этом миссионер и сам активно преображает действительность, проповедуя Слово Божье.

Еще полнее, чем в путевых заметках, сибирский сюжет раскрывается в автобиографиях духовенства. Выше мы цитировали письма пресв. Вениамина (Благоднарова), теперь обратимся к его собственноручному жизнеописанию. Вениамин был иркутским владыкой в конце XIX в. Выходец из Тамбовской губернии, свое назначение в Сибирь, как мы видели, он воспринял поначалу весьма драматично. Но это был не просто перевод по службе. В его восприятии это переход в каче-

ственно иное пространство, чему придавалось почти мистическое значение, что подтверждают многочисленные пророческие сны и видения, окружающие данное событие. Так, перед назначением в Иркутск владыка видит себя пересекающим Байкал, на противоположном берегу которого его под жидает сам дьявол, однако он не пугается и отдается на милость Божью.

Но Сибирь для преосв. Вениамина уже обладала сакральностью («Иркутск мне больше всего нравится святынями... только бы не лишиться покровительства угодника Божия св. Иннокентия, чего я, мне казалось, должен буду лишиться, если оставлю Сибирь»)¹⁴ и, что самое главное, поддавалась дальнейшей сакрализации, оставляя место миссионерскому и даже апостольскому подвигу. И если в юности Вениамин мыслил себя монахом и затворником, то, став архиепископом в Сибири, он с готовностью принимает новое предназначение — святителя, миссионера и храмостроителя. В результате сама автобиография Вениамина приобретает характер святительского жития, с традиционными для него рубриками: храмостроительство, просвещение паствы и духовенства, миссионерство, чудеса, в данном случае — видения и пророчества. Лейтмотивом же повествования становится неизменная Божья Помощь во всех делах преосвященного, и прежде всего в миссионерском просвещении края. Не случайно главным итогом своей жизни владыка считает количество крещенных им и при нем бурят.

До сих пор мы говорили о специфически «сибирских» чертах в областной литературе, как бы забывая о том, что она — неотъемлемая часть и вариант развития «большой» русской литературы. На самом деле все важнейшие художественные открытия русской литературы и общее на правление эстетической мысли разных периодов, пусть и с некоторым опозданием, находили отражение в сочинениях сибирских писателей. И духовные авторы не составляют здесь исключения. Будучи людьми образованными, часто выходцами из европейской России, выпускниками центральных семинарий и академий, они прекрасно ориентировались в современном им литературном процессе и были знакомы с творчеством великих русских писателей. И потому можно предполагать влияние на сочинения духовенства как отдельных писателей, так и целых литературных направлений. Так, дневник святителя Герасима, к которому мы обращались выше, с характерным для него образом автора — одинокого, тоскующего, чувствительного и склонного к слезной умиленности путешественника-созерцателя — имеет несомненную связь с поэтикой сентиментального путешествия, а слог святителя сопоставим со слогом Карамзина. Однако эта тема требует отдельного разговора.

Ограниченный объем статьи, а значит, и возможных примеров, не позволяет делать каких-либо определенных и тем более окончательных выводов, и потому мы можем лишь предполагать, что мемуаристика сибирского православного духовенства развивалась если и не в

русле современного ей областного литературного процесса, то в тесном соприкосновении с ним. Общность обнаруживается и в системе жанров, ведущим среди которых является путешествие, и в соединении художественного и научного начал, и в особом ощущении сибирского пространства, и, наконец, в наличии специфического сибирского сюжета, взятого, однако, в его духовной проекции. Источником этой общности являлся сам сибирский менталитет. Очевидно, не меньшее влияние на мемуары и другие сочинения духовенства, причем не только сибирского, оказывала и русская литература в целом. Подобные наблюдения дают основания говорить о целостности русской словесности, казалось бы, утраченной в процессе секуляризации российского общества.

Однако нельзя не признать тот факт, что, активно взаимодействуя со светской литературой, своими корнями церковная мемуаристика уходила в традицию древнерусской церковной биографической литературы, большое значение для которой имела поэтика жития и хождения. И именно в этой литературе священники XIX в. находили подлинное духовное основание для своих сочинений.

Примечания

- ¹ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подгот. Е. К. Ромодановская и О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. С. 268.
- ² Письмо бывшего Тобольского митрополита Филофея Лещинского (в схимонахах Федора) к Феофану Прокоповичу с просьбой о позволении выехать из Сибири на обещание в Киево-Печерскую Лавру // Киевские епархиальные ведомости. 1877. № 20. С. 545.
- ³ Частная переписка Высокопреосвященнейшего Вениамина, архиепископа Иркутского с Обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым. Иркутск, 1916. С. 109—111.
- ⁴ Путевые записки преосвященного архиепископа Нила. Ярославль, 1874. С. 26.
- ⁵ Путевые записки преосвященного архиепископа Нила. С. 1.
- ⁶ Частная переписка высокопреосвященнейшего Вениамина. С. 110.

Список литературы

1. Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 300 с.
2. Архиепископ Герасим (Георгий Добросердов). Дневники. Иркутск: Оттиск, 2011. 288 с.
3. Вениамин (Благонравов). Автобиография высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского. Иркутск: Электро-типография Т-ва «М. П. Окунев и К^о», 1913. 52 с.
4. Инок Парфений (Агеев). Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне). М.: Индрик, 2009. 256 с.

5. Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Обзор русской духовной литературы. 1720—1858 (умерших писателей). Книга вторая. 2-е изд., доп. Чернигов, 1863. 311 с.
6. Янушкевич А. С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. С. 227—235.

Sof'ya Viktorovna Mel'nikova

Ph.D in Philology,

Associate Professor, Academic Secretary,

I. I. Molchanov–Sibirsky Irkutsk Oblast State Academic Library

(Irkutsk, Russian Federation)

memuaristika@yandex.ru

MEMOIRS OF THE SIBERIAN ORTHODOX CLERGY OF THE 19TH CENTURY AND THE REGIONAL SIBERIAN LITERATURE

Abstract: The initial thesis of my article is the unity between ecclesiastic and secular literature which Russian culture has preserved in the Modern period. The interrelation of ecclesiastic and secular traditions is shown here on the example of the Siberian regional literary process in the 19th century. We primarily focus on non-fiction written by the Orthodox clergy: memoirs, autobiographies, travel notes. Memoirs were a new phenomenon in church literature of late 18th — early 19th centuries. These compositions were of special significance for the literature of Siberia: half of all memoirs of Siberians at that time were written by priests and missionaries.

We argue that memoirs of the clergy can be considered not only as sources on the history of the Russian church, but also as cultural texts and literary monuments. All major features of the 19th century Siberian regional literature are conspicuous here: a focus on Siberia proper, a combination of art and non-fiction, a special importance of prevalence of a genre of travel notes, etc. In their genre poetics and language, memoirs of the clergy also followed the practices of secular literature, which made them an integral part of the regional historical and literary process. At the same time, literary works of the clergy preserved the specific features of religious consciousness and the link with traditional church literature, primarily hagiography and pilgrim travelogues. It can be seen, for example, in the sacralization of the Siberian space and the strong emphasis on apostolic service.

Keywords: Orthodox clergy, memoirs, regional Siberian literature

References

1. Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX — nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [The Problems of Poetics of the 19th — Early 20th Centuries Literature in Siberia: Formation and Development Features of the Regional Literary Tradition]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2009. 300 p.
2. Gerasim (George Dobroserdov), Archbishop. *Dnevnik* [The Diaries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2011. 288 p.
3. Veniamin (Blagonravov). *Avtobiografiya vysokopreosvyashchennogo Veniamina, arkhiepiskopa Irkutskogo i Nerchinskogo* [Autobiography of His Eminence Archbishop Ve-

- niamin of Irkutsk and Nerchinsk*]. Irkutsk, Elektro-tipografiya Tovarishchestva «M. P. Okunev i K^o», 1913. 52 p.
4. Parfeniy Inok (Ageev), Enoch. *Avtobiografiya monakha Parfeniya* [*Autobiography of a Monk Parfyony*]. Moscow, Indrik Publ., 2009. 256 p.
  5. Philaret (Gumilevsky) of Chernigov, Archbishop. *Obzor russkoy dukhovnoy literatury. 1720—1858 (umershikh pisateley). Kniga 2* [*Overview of Russian Spiritual Literature: 2 Vols. Vol. 2: 1720—1858 (Deceased Writers)*]. Chernigov, 1863. 311 p.
  6. Yanushkevich A. S. *Sibirskiy tekst: vzglyad izvne i iznutri* [Siberian Text: Looking from the Outside and the Inside]. *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostanstva* [*Siberia: a View from the Outside and Inside. The Spiritual Dimension of Space*]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2004, pp. 227—235.